

история XX века

Русские отряды на французском и македонском фронтах

судьбы

события

документы

версии

История XX века

Юрий Данилов

**Русские отряды на
французском и македонском
фронтах (1916-1918 г.г.)**

Издательство «Кучково поле»

1933

Данилов Ю. Н.

Русские отряды на французском и македонском фронтах
(1916-1918 г.г.) / Ю. Н. Данилов — Издательство «Кучково
поле», 1933 — (История XX века)

ISBN 978-5-9950-0123-2

Книга Ю. Н. Данилова, генерал-квартирмейстера Ставки Верховного
Главного Командующего, одного из главных разработчиков стратегических
операций русской армии 1914–1915 годов, повествует о героических
сражениях русского экспедиционного корпуса против Германии на фронтах
Франции и Македонии в 1916–1918 годах. Книга адресована всем, кто
интересуется военной историей Отечества.

ISBN 978-5-9950-0123-2

© Данилов Ю. Н., 1933

© Издательство «Кучково поле», 1933

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрий Данилов

Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг.

*Посвящается памяти тех русских воинов, входивших в состав экспедиционных войск, которые честно исполнили свой долг перед Россией и кто положил свою жизнь, или пролил свою кровь на полях Франции и Македонии, во имя славы своей Родины.
1916–1918 гг.*

ИСТОЧНИКИ:

I. При составлении настоящего труда главнейшими источниками служили дела Военно-исторического архива французского Военного министерства.

(Изучено свыше 150 дел.)

II. Кроме того, автор труда пользовался материалами из следующих печатных трудов:

- 1) L'offensive française de 1917, Henri Galli.
- 2) L'offensive de 1917, Commandant de Civrieux.
- 3) L'offensive de 16 Avril, Jean de Pierrefeu.
- 4) La campagne de Macédoine (1916–1917, 1917–1918), Colonel F. Feyler.
- 5) La conquête d'Athènes (Juin-Juillet 1917), Général Regnault.
- 6) Le commandement unique (II-ème partie: Sarrau et les armées d'Orient), Mermelx.
- 7) Mon commandement en Orient (1916–1918), Général Sarraill.
- 8) История Марокканской дивизии.
- 9) Русские войска во Франции и Салониках. Н. Валентинов.
- 10) Участие русских войск в действиях французской Восточной армии на Солунском фронте 1916–1917. (Статья в газете «Новое Время» В. Артамонова).
- 11) Годовой отчет Комитета помощи русским волонтерам.
- 12) Газета «Солдат-Гражданин» за 1917–1919 гг.

III. Печатные труды и устные свидетельства некоторых участников событий на французском и македонском фронтах. (Печатные труды собраны в Bibliothèque et Musée de la Guerre, Chateau de Vincennes.)

Предисловие

В период Мировой войны русские войска принимали непосредственное участие в боевых действиях на заграничных фронтах. Для этой цели Россией были сформированы четыре отдельные пехотные бригады, которые, по две, были направлены на французский и македонский фронты.

Пребывание этих частей во Франции и на Балканах характеризуется не только революционными переживаниями; русские войска умели и умирать, и во всяком случае, выполнили серьезную боевую работу, о которой общество, к сожалению, мало осведомлено.

Запечатлеть в его памяти доблестные боевые действия этих изолированных частей русской армии и отметить легендарные вспышки героизма и самопожертвования небольшого русского добровольческого отряда – «Русского легиона чести» (как он любил себя называть) – такова задача настоящего труда.

С внутренней гордостью за своих собратьев читатель узнает из этой книги обо всех этих действиях, а также о том, как горстка русских героев доблестно, до конца войны на западном фронте, сражалась бок о бок со своими союзниками и участвовала в их конечном наступлении вплоть до берегов Рейна. Там оставались они до конца декабря 1918 года, когда были оттянуты назад для демобилизации. Некоторое удовлетворение читатель почувствует также от сознания, что значительная часть военных контингентов, превратившись под влиянием революционного угара из солдат в рабочих, все же оказывала своим трудом нашим союзникам значительную помощь как в районе армий, так и в тылу их.

Дух и настроение многих героев – русских воинов достигали редких высот. Невольно, по поводу их, вспоминается некрасовское вещее слово: «Величие народного духа, – приблизительно сказал он, – измеряется не теми глубинами, на которые этот народ может опуститься, но теми высотами, до которых он в состоянии подняться»¹.

Предлагаемый читателю труд – есть историческое исследование, ибо в основе его лежит почти годовая архивная работа, произведенная во французских военноисторических архивах. К сожалению, русские архивные дела автором не были разысканы. Рассказ дополнен также свидетельскими показаниями тех участников событий, которые имели возможность откликнуться на призыв автора.

Работа по составлению настоящей книги, по условиям времени, могла быть закончена лишь при материальной поддержке некоторых лиц и учреждений, которые в высшей степени благосклонно отнеслись к идее, вдохновлявшей автора.

Издание книги приняло на себя «Association des officiers russes, anciens combattants sur le front français».

Всем упомянутым лицам и учреждениям приношу свою живейшую благодарность.

¹ «Орлам случается и ниже кур спускаться, / Но курам никогда до облак не подняться» (Крылов).

Глава I

Первые попытки союзников привлечь русские войска к участию в военных действиях на заграничных фронтах.

Начавшаяся в 1914 году война сложилась для Франции вначале весьма неблагоприятно. Стремительное и победоносное вторжение через Бельгию германцев создало смертельную опасность для обойденных с севера французских вооруженных сил. Враг весьма скоро стал угрожать Парижу – столице и сердцу Франции.

Союзники Франции спешили ей на помощь. Соглашением 1893 года Россия и Франция обязались друг перед другом, при первом известии об общей мобилизации враждебного им Союза центральных держав, мобилизовать все свои вооруженные силы и сосредоточить их к угрожаемым границам. Затем, в целях согласования их дальнейших шагов, было установлено, что, в случае нападения Германии или другой державы Центрального союза, поддержанной Германией, на Францию или Россию, другое из только что названных государств должно прийти первому, подвергшемуся нападению, на помощь и использовать все свободные силы для действия против Германии.

Факт нападения Германии на Францию в августе 1914 года был налицо, и потому Россия, которой к тому же была уже объявлена Германией война, обязывалась к выполнению своих договорных по отношению к Франции обязательств.

Совещаниями начальников союзных генеральных штабов, периодически происходившими до войны, обязательства эти были уточнены в том смысле, что русское наступление против Германии должно было быть выполнено с такими силами, которые были бы способны приковать к себе от 5 до 6 германских корпусов.

В отношении направления для намечавшегося наступления бывший начальник французского Генерального штаба генерал (впоследствии маршал) Жоффри лично высказывался в 1912–1913 годах за вторжение русских войск в Восточную Пруссию с юга на Алленштейн; время же наступления было, как известно, определено начальником русского Генерального штаба генералом Жилинским, который указал на то, что сосредоточение русских войск против Германии может считаться законченным, в главных чертах, только к 15-му дню мобилизации, почему и наступление этой группы войск могло начаться не ранее этого дня.

Во исполнение установленного соглашения русские армии Северо-Западного фронта, в составе 9 полевых корпусов, под начальством генерала Жилинского, которому было вверено во время войны главное командование армиями Северо-Западного фронта, начали наступление в Восточную Пруссию 17 августа (нового стиля), или на 16-й день мобилизации французской армии. При этом для 2-й русской армии, наступавшей в обход Мазурских озер с юга, в конечном итоге, было установлено направление на Зенсбург – Алленштейн.

Этим наступлением в полной мере выполнены первоначальные обязательства России по отношению к ее союзнице – Франции.

Русское наступление в Восточную Пруссию вынудило, как известно, германцев снять с их западного фронта два полевых корпуса и одну кавалерийскую дивизию для спешной переброски на восточно-русский фронт. При этом на Восточно-Прусском театре военных действий немцы принуждены были сосредоточить армию, значительно превышавшую те 5–6 корпусов, о которых говорилось на междусоюзных совещаниях.

Со своей стороны, Англия, вынужденная германским нарушением бельгийского нейтралитета принять участие в войне, объявила мобилизацию своих сухопутных вооруженных сил 5 августа, то есть тремя сутками позднее Франции. Ее правительство решило отправить на материк для присоединения к левому флангу французских вооруженных сил экспедиционный

корпус в составе 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий. Однако к началу серьезных боев корпус этот не успел сосредоточиться на материке и в большом пограничном сражении, кончившемся для наших союзников крайне неблагоприятно, приняли участие со стороны Англии лишь 4 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Английский главнокомандующий маршал Френч, вынужденный после боя у Монса принять со своими войсками участие в общем отходе, оценивал общую обстановку настолько пессимистично, что советовал своему правительству обратить немедленное внимание на укрепление в тылу Гавра. Запасы английского экспедиционного корпуса, находящиеся в Булони, признавались им под угрозой неприятеля.

Великобританское правительство было чрезвычайно взволновано этим сообщением. В поисках средств, которые могли бы укрепить военное положение союзников на сухопутном фронте, лондонское правительство предложило телеграфно своему послу в Петербурге сэру Бьюкенену прозондировать у русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова почву, не представится ли возможным отправить через Архангельск во Францию 3 или 4 русских корпуса, перевозку которых Англия бралась осуществить в недельный срок².

Не говоря уже о том, что Архангельск являлся, особенно по тому времени, портом, совершенно непригодным для такого рода интенсивной перевозки, данный проект, переданный на заключение русской Ставки, оказался неосуществимым, вследствие полной невозможности с одной стороны спешного выделения из состава действующей армии стольких войск в период величайшего их напряжения на фронте, а с другой – отдаленности войск азиатских округов, где только и имелись еще корпуса, не получившие к тому времени боевого предназначения.

Приведенный факт интересен для нас в том смысле, что им удостоверяется стремление наших западных союзников уже в первые недели войны привлечь русские войска к участию в непосредственных действиях на западном фронте.

Желание обеспечить за собой численный перевес в силах побуждало, впрочем, наших западных союзников обращаться в то время за помощью в разные стороны. Так, в воспоминаниях английского морского министра того времени сэра Черчилля можно найти указание на его письмо от 5 сентября 1914 года к лорду Китченеру³, в котором он предлагает воспользоваться сочувственным настроением населения в Североамериканских Соединенных Штатах, чтобы сделать попытку сформировать из волонтеров этой страны, по крайней мере, одну дивизию. Не раз поднимался также вопрос о привлечении на европейский фронт японских войск. Из телеграммы, например, нашего министра иностранных дел к послу в Лондоне от 21 августа (3 сентября) 1914 года, видно, что между Лондоном и Парижем возникало даже разномыслие о том, на какой фронт надлежит привлечь японские войска. С. Д. Сазонов сгладил это разномыслие, решительно заявив от имени России, что «мы не имеем никакой необходимости» в осуществлении этой меры, «но не противимся планам Франции», если таковая желает появления японских войск у себя на фронте.

В декабре 1914 года тот же вопрос был вторично поднят французским министром иностранных дел Делькассе, продолжавшим стремиться к привлечению японских войск на сей раз уже определенно на французский фронт⁴. Несмотря на некоторую недоверчивость английского кабинета, проявленную в этом вопросе, намечалось даже обращение к японскому правительству от имени трех держав с коллективным представлением об осуществлении подобной кооперации. Однако сама Япония отнеслась с большой сдержанностью к сделанному ей предложению, которое, вследствие этого, и не получило соответствующего осуществления.

² Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова послу в Париже А. П. Извольскому от 17 (30) августа 1914 года.

³ La Crise Mondiale. Т. 1. Р. 253.

⁴ Телеграмма министра иностранных дел С. Д. Сазонова послу в Париже от 29 ноября (13 декабря) 1914 года и ответ А. П. Извольского от 30 ноября (13 декабря) того же года.

Обходя подробности несостоявшейся посылки осенью того же года одного русского казачьего полка в Англию, каковая посылка имела, впрочем, в виду лишь некоторое моральное воздействие, перейдем непосредственно к тому периоду войны, когда особое внимание обеих воюющих сторон стал привлекать к себе Балканский полуостров. Время это совпало с заметным ухудшением военного положения Сербии. Еще в ноябре 1914 года сербское и черногорское правительства обратились к союзникам с просьбой о помощи присылкой русского корпуса на Дунай и высадкой англо-французского десанта в Рагузе, но исполнение этой просьбы было в то время признано нецелесообразным с общей точки зрения союзников.

Однако уже в начале февраля 1915 года на междусоюзном финансовом совещании в Париже, происходившем в присутствии министров финансов трех держав Согласия (Англии, России и Франции), английский первый министр Ллойд Джордж неожиданно поставил на обсуждение вопрос о немедленной отправке на помощь Сербии объединенного корпуса, в составе войск Англии, России и Франции⁵. По мнению автора предложения, такая активная помощь Сербии должна была побудить не только Грецию, но и Румынию, а также Болгарию примкнуть немедленно к державам Согласия. В этом случае соединенные силы всех названных держав могли бы составить столь внушительную наступательную силу, которая, будучи двинута с юга против Австрии, имела бы возможность решительно изменить всю обстановку войны.

Французский военный министр того времени А. Мильтеран не выразил сочувствия этой идее, опасаясь, по-видимому, в результате принятия этого плана неизбежного ослабления войск на французском фронте. Русская Ставка, на заключение которой был передан этот вопрос, также встретила английское предложение с чувством некоторого недоверия. В самом деле, к этому времени державы Согласия в результате работы своей дипломатии должны были уже прийти к определенному выводу о невозможности, при господствовавших в балканских государствах настроениях, ожидать от этих государств какого-либо добровольного соглашения в целях объединенных действий. При отсутствии же такового и в случае всегда возможной военной неудачи войск союзников, престиж их мог подвергнуться большому испытанию, что представляло бы большие опасности для дела держав Согласия, именно на Балканском полуострове. Поэтому русский Верховный главнокомандующий признавал возможным лишь в целях некоторого нравственного воздействия согласиться на отправку в состав сербской армии того казачьего полка, который был подготовлен раньше к перевозке в Англию. Лишь под особым давлением в штабе Верховного главнокомандующего нашли дополнительно возможным, в случае необходимости, усилить этот казачий полк бригадой пехоты.

Однако несочувственное отношение греческого правительства к высадке союзных войск в Салониках и отказ его присоединиться немедленно к державам Согласия явились причиной оставления плана Ллойд Джорджа без исполнения⁶.

Тем временем в Англии назревало новое решение – приступить к выполнению Дарданелльской экспедиции. Целью ее ставился прорыв союзного флота к Константинополю. Но скрытно действовало здесь и специально английское соображение – отвлечь этой операцией внимание Турции от Египта и Суэцкого канала.

Форсирование Дарданелльского пролива силами одного флота с технической стороны вызвало скептическое к себе отношение в русской Ставке. Если прорыв морских судов через узкий и длинный Дарданелльский пролив еще был возможен и целесообразен тотчас же после объявления Турцией войны России как вооруженный ответ на нападение турецкого флота на русское черноморское побережье (29 октября 1914 года), то в феврале 1915 года, то есть через три-четыре месяца после этого нападения, успех такого прорыва являлся уже весьма маловеро-

⁵ Телеграмма российского министра финансов Барка С. Д. Сазонову для председателя Совета министров из Парижа от 20 января (2 февраля) 1915 года.

⁶ Телеграмма российского посла в Лондоне графа Бенкендорфа от 8 (21) февраля 1915 года.

ятым. В распоряжение Германии было предоставлено слишком достаточно времени для надлежащего укрепления этого пролива в артиллерийском отношении и снабжения его обороны минными и подводными средствами. Что же касается военного содействия этой операции России, подвергшейся нападению Турции, то надобность в таком содействии отпала совершенно после тех блестящих побед, которые одержала наша доблестная кавказская армия под Сарыкамышем над турецкими войсками, руководимыми германскими офицерами.

Надо добавить, что проект форсирования Дарданелльского пролива одним флотом вызывал большие разногласия в самой Англии; содействие же этой операции сухопутным десантом осложняло исполнение, требовало дальнейшей отсрочки ее и, сверх того, затруднялось свойствами местности на Галлиполийском полуострове.

Однако важное значение для России черноморских проливов не позволяло ей оставаться вполне безучастной к разрешению данной проблемы. Недостаточно сильный состав черноморской эскадры не позволял, конечно, рассчитывать на прорыв ее судов через Босфор, почему Россия выступила с проектом перевозки в район проливов особо сформированного во Владивостоке русского отряда, в составе одного 4-батальонного пехотного полка, одной артиллерийской батареи и казачьей полусотни. Отряд этот и должен был присоединиться к десантному отряду англо-французов, долженствовавшему собраться на острове Лемнос.

По «недостатку у союзников свободного тоннажа» перевозка этого отряда к месту назначения не состоялась. Вследствие этого Россия была принуждена ограничиться одними демонстративными действиями своего Черноморского флота против Босфора и посылкой в состав союзных эскадр у Дарданелл своего крейсера 1-го ранга «Аскольд», направленного туда с Дальнего Востока.

Впрочем, с политической стороны интересы России в районе проливов в некоторой мере были ограждены сообщением английского правительства российскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу о том, что в случае поражения Германии вопрос о судьбе проливов и Константинополя «должен быть разрешен не иначе, как в согласии с пожеланиями России»⁷.

Наш министр иностранных дел С. Д. Сазонов немедленно по получении данного заявления ответил, что сделанное английским министром иностранных дел сэром Э. Греем сообщение с благодарностью принимается русским правительством к сведению. Справедливость именно такого решения вытекала, впрочем, из того простого положения, что ожидавшаяся в будущем свобода проливов могла явиться результатом не непосредственного воздействия на самую Турцию, но исхода в этой войны с державами Центрального союза. Степень же участия России в войне с Германией и Австро-Венгрией была настолько велика, что не могла расцениваться иначе, как только в той мере, которая давала бы России право на полное удовлетворение, в случае общей победоносной войны, ее жизненных интересов на Черном море.

Дальнейший ход событий в районе Константинополя показал, что проявленный русским Верховным главнокомандованием скептицизм в отношении Дарданелльской экспедиции оказался вполне правильным. Операция эта была закончена довольно бесславно к началу 1916 года.

Но еще раньше ликвидации Дарданелльского предприятия, именно осенью 1915 года, военно-политическая обстановка вернула внимание европейских дипломатов и военных деятелей снова к салоникскому направлению и на сей раз властно потребовала высадки союзных войск в Македонии.

Попытка к образованию блока из балканских государств против Австро-Венгрии и Турции окончательно не удалась. Софийское правительство Радославова, руководимое антиславянской политикой короля Фердинанда, твердо вело Болгарию, вопреки народным чувствам, к

^{7 1} Телеграмма министра иностранных дел С. Д. Сазонова российскому послу в Париже от 14 (27) ноября 1914 года и от (14) февраля 1915 года.

союзу с Германией. 4 сентября 1915 года этим правительством был подписан договор о вступлении Болгарии в Союз центральных держав, а 23 сентября – объявлен декрет об общей мобилизации болгарской армии.

В согласии с действиями своей дипломатии, германское Верховное главнокомандование, которое направляло в течение всего лета 1915 года усилия своей армии против России, решило повернуть их острие в сторону Балкан.

Вытеснив русские войска из Галичины и Польши, оно предоставило в дальнейшем свободу действий к северу от Полесья генералу Гинденбургу и уже в августе месяце стало постепенно оттягивать немецкие войска с южной половины русского фронта в тыл, подготавливая новую наступательную операцию, на сей раз против Сербии. Критическое положение Турции, нуждавшейся в установлении непосредственной связи с Берлином, уже давно требовало сосредоточения германского внимания на Балканах. Намечавшееся наступление Германии на юг задерживалось только необходимостью предварительного дипломатического соглашения с Болгарией о ее присоединении к Союзу Центральных держав.

Как мы уже видели, затруднение это в начале сентября пало, и ничто уже не мешало осуществлению германского плана. Германо-австрийские войска стали с этого времени скрытно сосредоточиваться на северном берегу Дуная и Саввы.

В естественном стремлении прийти Сербии на помощь и оградить ее от нападения Болгарии, среди дипломатов возникло тогда же предположение о занятии союзными войсками салоникского порта и сербской Македонии, а с нею вместе и всей железнодорожной линии от Салоник на Гевгели и Велес. Однако Греция, в лице ее короля Константина, находившегося в родственных отношениях с императором Вильгельмом, отнеслась и на этот раз крайне оппозиционно к предположению держав Согласия, связанному с занятием их войсками греческой территории. Лишь уступая настояниям греческого премьера г. Венизелоса, сторонника кооперации с державами Согласия, удалось, в конце концов, добиться от короля молчаливого согласия на пропуск союзных войск через Салоники.

Общественное мнение западных государств предъявляло к России настойчивое требование об участии ее войск в намечавшейся салоникской операции. Нам указывалось, что отсутствие русских войск на Балканах не только нанесет удар престижу и историческому положению России среди славянских народов, но поставит Францию и Англию в крайне невыгодное и опасное положение, заронив сомнение в наличии единения союзников. Делались намеки даже на то, что Россия, рассчитывающая получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды, должна участвовать в общем усилии на Балканах, иначе естественно может возникнуть вопрос о пересмотре соглашений, существующих касательно Константинополя и проливов.

Несмотря на то что к этому времени в русском Верховном командовании произошли крупные изменения и что в Ставке переменялись все наиболее ответственные лица, несочувственное отношение к посылке русских войск в Македонию продолжало оставаться неизменным.

Глубокой несправедливостью, в самом деле, звучали все предъявлявшиеся к России обвинения о причинах уклонения от участия в намечавшихся на Балканах действиях. В этих обвинениях не учитывались неблагоприятные географические условия, которые ставили едва ли даже одолимые препятствия к своевременной переброске русских войск на Балканы, через Архангельск или Владивосток, равно не принималась во внимание будущая оторванность этих войск от источников их пополнения. Не принималось также в расчет общее военное положение русской армии, которая лишь недавно выполнила тяжелую и длительную отступательную операцию, находилась в почти грозном некомплекте и нуждалась в самых необходимых предметах вооружения и боевого снабжения. Забывалось и то обстоятельство, что к левому флангу русской армии примыкала Румыния, поведение которой в ту пору являлось настолько двусмысленным, что не исключена была даже возможность ее перехода на сторону Централь-

ных держав⁸. Между тем, в результате такого положения, Россия должна была быть готовой к неожиданному появлению германо-австрийских войск в северной Молдавии, то есть у себя на фланге, что являлось бы существенной угрозой для ее крайне растянутого и невыгодного фронта.

Самая же главная причина недоверчивого отношения России к полезности Салоникской экспедиции заключалась в том, что эта операция намечалась без строго определенного плана и с недостаточными силами для того, чтобы существенно изменить обстановку. В самом деле, высадка союзников в Македонии могла бы получить серьезное значение лишь в том случае, если бы она имела своей задачей широкое наступление к Дунаю, с дальнейшим вторжением навстречу русским войскам, например, в Венгрию. Но для этого последние должны были бы, в свою очередь, вновь овладеть территорией Русской Польши и Галичины. Такой широкий план, во-первых, не входил в расчеты западных государств и, во-вторых, едва ли даже был им под силу, равно как и истомленной русской армии, не успевшей окончательно оправиться от длительного отхода вглубь страны.

Все изложенные соображения, в общей их совокупности, вынудили в начале октября императора Николая II, который к тому времени возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего русской действующей армией, отправить своим западным союзникам телеграмму о невозможности отправки русских войск на Балканы⁹.

События на Балканах тем временем шли своим чередом. 6 октября 1915 года австро-германские войска, объединенные под общим начальством фельдмаршала Макензена, вторглись с севера в пределы Сербии. На следующий день был занят Белград, а 14 декабря по всему восточному сербскому фронту перешли в наступление и болгары.

Неприятель, охвативший с огромными силами сербские войска с трех сторон, принудил сербов к спешному отступлению вглубь страны. Занятие же болгарями в тылу у сербов Ясьюба и Велеса вынудило последних повернуть на юго-запад, с целью выхода их армий к Адриатическому морю.

К этому времени (октябрь 1915 года) во Франции произошло крушение кабинета Вивиани и во главе нового правительства стал А. Бриан – горячий сторонник посылки союзных войск в Македонию и высадки их в Салониках.

Под влиянием этого незаурядного государственного деятеля и его новой политики посылка англо-французских союзных войск в Македонию была решена окончательно. Однако к середине октября в Салониках смогли высадиться лишь головные дивизии союзников. Своим выдвижением долиной р. Вардара к Криволаку и Дойрану они, хотя и успели прикрыть отход крайних частей сербов на Прилеп и Битоль, но этим только и ограничилось их содействие сербам. Уступая общей обстановке и силе болгарских войск, их атаковавших, англо-французские дивизии отошли в район Салоник, где и стали укрепляться. За ними последовали болгарские войска, остановившиеся, однако, в виду границ Греции, оставшейся нейтральной. Между противниками оказались греческие мобилизованные войска, которые, вследствие германофильских настроений короля Константина, представляли постоянную опасность для держав Согласия.

Французский генерал де Кастельно, специально командированный в декабре 1915 года в Салоники для ознакомления с положением союзных войск, вынес впечатление, что войска эти настолько прочно укрепились вокруг названного пункта, что могут выдержать весьма сильную против них атаку.

⁸ Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова российскому послу в Париже А. П. Извольскому от 27 сентября (10 октября) 1915 года.

⁹ Телеграмма российского министра иностранных дел А. П. Извольскому от 24 сентября (7 октября) 1915 года и ответ российского посла в Париже С. Д. Сазонову того же числа.

Так было положено начало новому Салоникскому фронту, на котором в 1916 году появились наши войска, как о том будет изложено ниже.

В период осенних переговоров 1915 года об участии русских войск в операциях на Балканах некоторыми лицами высказывалась, между прочим, мысль о том огромном моральном впечатлении, которое могла бы оказать на болгарский народ высадка русских войск на их территории, сопровождаемая соответственным воззванием императора Николая II к болгарскому народу. Мысль эта также не получила своего осуществления. Недостаточность черноморского транспортного флота, возможность появления в Черном море германских подводных лодок, наконец, бурный характер этого моря в осеннее время и авантюристический характер самой операции делали ее выполнение мало серьезным. Взамен ее русское Верховное главнокомандование, в лице генерала Алексеева, начальника штаба императора, признало возможным выступить с предложением о превращении будущей балканской операции из второстепенной в главную, путем сосредоточения на Балканах не менее 10 англо-французских корпусов и движения их навстречу русской армии, которая брала на себя задачу подготовки к новому широкому наступлению в направлении на Будапешт. Осуществление этого плана было признано нашими союзниками, однако, затруднительным, и тогда, уже в конце декабря, в целях облегчения положения истекавшей кровью Сербии, русской армией была сделана самостоятельная попытка отвлечь внимание неприятеля от Балкан и, в случае удачи, попробовать пробиться через австрийские укрепленные позиции Трембовля – Чертков. Произведенная при крайне тяжелых климатических условиях, без достаточной артиллерийской подготовки, операция эта закончилась для нас, к сожалению, крупными потерями, которые определились в 50 тысяч человек.

Сербской армии суждено было свершить свой крестный путь до конца, чтобы вновь возродиться на о. Корфу для дальнейшего участия в войне на Салоникском фронте.

Глава II

Нарастание во Франции мысли об использовании русских живых сил на французском фронте, в связи с недостатком в России вооружения. – Миссия П. Думера и отношение к ней в России. – Постепенное формирование и отправка четырех особых бригад, по две на французский и македонский фронты.

Наступательный порыв, проявленный русской армией в течение осени 1914 и весны 1915 годов, все более и более привлекал к себе внимание германцев. Разгром австрийских войск и появление весной 1915 года русских знамен на карпатских перевалах встревожили германское Верховное главнокомандование, которое, во избежание полного крушения австро-венгерского фронта, нашло необходимым коренным образом перестроить принятый им в начале войны план.

Создав на западном фронте почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокой и усиленных мощной артиллерией, германцы достигли возможности безбоязненной переброски значительных сил на свой восточный фронт, против России.

Русская армия в этом новом плане становилась на некоторое время главным предметом действий. В соответствии с этим даже главная немецкая квартира была перемещена на восток в небольшой силезский городок Плесс, расположенный почти на границе с Австрией.

Наступившее, вследствие такого изменения в плане, затишье в военных действиях на западном фронте как нельзя больше пришлось на руку союзникам России. Укрепив свой фронт, после Марны и боев на Ипре и Изере, от Северного моря до швейцарской границы, французы и англичане получили возможность сосредоточить свое внимание на исправлении всех материальных недочетов, обнаружившихся у них в течение первого периода войны.

Благодаря широко развитой отечественной промышленности им удалось сравнительно быстро наладить производство тяжелой артиллерии, боевых припасов и прочих предметов материального снабжения. Но как было быть французам с укомплектованием их армии личным составом, в котором они понесли в первых же боях невиданные до сего времени потери? Как обеспечить живым материалом дальнейшее ведение войны, становившейся по всем признакам затяжной? Острота данного вопроса становилась более чем очевидной, если принять во внимание, что к 1 июля 1915 года оказались уже призванными все военнообязанные сроков службы, начиная с 1913 по 1887 год и, сверх того, допризывная молодежь 1914, 1915 и 1916 годов. Положение становилось в самом деле угрожающим.

Под впечатлением этих обстоятельств взоры французов невольно устремлялись на Восток. Россия обладала огромным населением, вследствие чего казалась неисчерпаемой в смысле запаса людей, могущих быть поставленными под ружье. Особенности русского «устава о воинской повинности», допускавшего широкие изъятия, далеко не всем, конечно, во Франции были известны. Во Франции, при 40 миллионах населения, число военнообязанных составляло до 8 миллионов, или около 20 % всего населения. Можно ли было предполагать, что Россия обладала таким военным законодательством, которое давало возможность привлечь в

1914 году в действующие войска, при общем населении в 170 миллионов человек, всего лишь 8 миллионов людей (считая запасных и ратников 1-го разряда). Правда, существовала еще категория ратников 2-го разряда, но люди, числившиеся в этой категории, подлежали, по закону, призыву лишь в ополчение, предназначавшееся для тыловой службы. Чтобы иметь возможность воспользоваться этими элементами в составе действующей армии, понадобилось в 1915 году, как известно, соответствующее изменение закона.

Превратное представление о количестве в России военнообязанных и послужило основанием к составлению во Франции разного рода проектов по использованию части русских

военных контингентов на французском фронте. Так, например, уже в декабре 1915 года во французском Военном министерстве рассматривалась записка¹⁰, имевшая своим содержанием вопрос: «Comment créer un réservoir d'infanterie russe en France».

Осенью 1915 года в Россию выехал известный французский политический деятель Поль Думер (ставший впоследствии президентом Французской Республики). Поль Думер в начальный период войны являлся помощником по гражданской части генерала Галлиени, военного губернатора города Парижа. Вместе с генералом Галлиени Поль Думер, в период известного пребывания французского правительства в Бордо, успел приобрести в населении столицы столь большую популярность, что к обоим названным лицам, по доходившим до России сведениям, стало, неосновательно конечно, назревать со стороны официальных кругов подозрительное отношение и обвинение в желании излишне долго сохранить за собой власть над Парижем.

В списке задач, которые были вверены Думеру, числилось также поручение попытаться получить согласие русского правительства на отправку во Францию невооруженных людей, обязанных военной службой, как бы в обмен на вооружение, в котором, как известно, в то время очень нуждалась русская армия. П. Думер полагал просить о постепенной отправке на французский фронт 300 тысяч русских мобилизованных людей.

Трудно сказать, в каких сферах родился этот своеобразный проект, но, насколько можно судить, во французской главной квартире ему не сочувствовали, находя в этом проекте не только разного рода технические трудности, но считая его и с моральной стороны малопригодным. Возбуждению этого проекта, однако, способствовало, весьма вероятно, то обстоятельство, что почти накануне поездки Думера в Россию в Париже пало министерство Вивиани и в новом кабинете, под председательством Бриана, пост военного министра занял генерал Галлиени, – лицо, с которым предыдущая деятельность Думера была, как уже отмечено, весьма тесно связана.

Российский посол в Париже А. П. Извольский в своей телеграмме С. Д. Сазонову¹¹ характеризует цель поездки Думера в Россию стремлением выяснить на месте «вопросы снабжения и вооружения нашей армии».

Но уже в это время до сведения посла доходили слухи, что Думером выдвигается также вопрос о целесообразности снятия с французского фронта известного числа рабочих – специалистов по изготовлению предметов вооружения с целью отправки их в Россию или усиления собственного производства во Франции, с заменой снятых рабочих русскими солдатами, которых мы не в состоянии были вооружить.

Упомянутая поездка состоялась в декабре месяце.

Нельзя сказать, чтобы изложенное предложение П. Думера встретило сочувственное к себе отношение в русских военных сферах, видевших в данном проекте прежде всего желание использовать русских солдат на западном фронте. В Петрограде, в Военном министерстве, П. Думеру было заявлено, что запас военнообязанных в России, вследствие огромных потерь и значительной численности выставленных армий, не столь велик, как это обыкновенно думают во Франции, и что к середине будущего 1916 года следует уже ожидать исчерпания всех контингентов до 30-летнего возраста включительно.

Настойчиво, однако, преследуя свою задачу, П. Думер выехал из Петрограда в Ставку для доведения своего предложения до сведения императора Николая II и его начальника штаба генерала Алексеева.

Как видно из донесений Думера в Париж¹², император Николай, выразив пожелание прийти на помощь Франции, дал, однако, понять своему собеседнику, что в вопросе об

¹⁰ Записка принадлежала перу Андре Шерадама.

¹¹ От 30 октября (12 ноября) 1915 года.

¹² Его телеграмма от 15 (28) декабря 1915 года.

отправке русских солдат во Францию ему, по всей вероятности, придется встретиться с некоторым сопротивлением генерала Алексеева, с которым он и посоветовал Думеру сговориться.

«Я очень скоро убедился в том, – писал в своей телеграмме Думер, – что решение данного вопроса будет зависеть от взгляда последнего».

14 декабря Думер имел личное свидание с генералом Алексеевым, на котором присутствовал князь Кудашев, директор дипломатической канцелярии в штабе Верховного главнокомандующего. Согласно телеграмме последнего в Париж, адресованной А. П. Извольскому¹³, Думер, во время своей беседы с генералом Алексеевым указывал на большие потери французов и их опасения за последствия возможного прорыва германцами линии, весьма близкой к сердцу Франции. В распоряжении французского правительства имеются все средства для успешного продолжения борьбы, за исключением достаточного числа людей, за которыми оно и решилось обратиться к своему союзнику – России.

Из той же телеграммы князя Кудашева видно, что генерал Алексеев, «и без того не сочувствовавший посылу русских войск в отдельные заграничные экспедиции, был особенно неприятно поражен мыслью об обмене живых людей на бездушные предметы оружия». Лишь крайняя финансовая и материальная зависимость России от Франции, а также искреннее желание оказать последней посильную помощь и сохранить добрые отношения, заставили генерала Алексеева признать возможным произвести опыт формирования и посылки на французский фронт не более, однако, двух полков пехоты с двумя запасными батальонами. Генерал Алексеев полагал, что намеченный им опыт может дать указания для будущего отношения к возбужденному вопросу.

Сообщая о таком решении русскому военному уполномоченному при Главной французской квартире генералу Жилинскому, начальник штаба Верховного главнокомандующего, опасаясь расширительного толкования вопроса, добавлял: «Желал бы, чтобы этот опыт, если он неизбежен, был ограничен»¹⁴.

П. Думер, действительно, несколько иначе понимал достигнутый им результат.

В своей телеграмме от 15 декабря, на которую уже делалась выше ссылка, он сообщает, что в принципе посылка на французский фронт русских солдат, в распоряжение правительства Республики (*à la disposition du Gouvernement de la République*), принята под условием выполнения немедленного предварительного опыта. Русские солдаты будут отправлены во Францию не как отдельные люди, для размещения их во французских корпусах, но в виде особых русских воинских частей, с русскими кадрами, которые должны быть только дополнены французскими офицерами. Отправляемые воинские части должны быть вооружены во Франции ружьями, принятыми во французских войсках. Французское правительство обязуется принять на свое попечение перевозку русских войск морским путем и обеспечить безопасность перевозимых. Число солдат, подлежащих перевозке во Францию, сообщал Думер, как кажется, может быть доведено до 40 тысяч в месяц. Но, во всяком случае, такой интенсивности перевозка не может достигнуть в зимние месяцы, вследствие портовых затруднений и необходимости произвести предварительный опыт с целью выяснения вопроса: во-первых, как будут себя чувствовать русские солдаты вдали от их страны, и во-вторых, насколько целесообразной окажется вообще принятая система.

Намечаемый опыт будет произведен в следующих условиях. Немедленная отправка из России во Францию одной бригады пехоты, составленной из двух полков, с одним или двумя запасными батальонами. Бригада будет иметь во главе русского генерала, а каждый полк – русского полковника и некоторый кадр русских офицеров. Недостающий до штатов военного времени кадр офицеров должен быть дополнен французскими офицерами. Во Франции, в пункте,

¹³ Телеграмма 16 (29) декабря 1915 года.

¹⁴ Телеграмма генерала Алексеева генералу Жилинскому 17 (30) декабря 1915 года.

например, высадки русских войск, должна быть организована русская «база», под начальством русского генерала или полковника, гарнизон которой составят русские запасные батальоны. Через самое короткое время, после выступления русской бригады на фронт, можно будет судить об условиях сотрудничества русских императорских войск на французском фронте. Время, затраченное на производство данного опыта, не может считаться потерянным, так как отправка войск из Архангельска в течение зимних месяцев не может быть значительной.

«Система отправки русских солдат в составе воинских частей, – добавлял Думер, – была уже рассмотрена в совещании с генералом Галлиени, происходившем до моего отъезда, и им одобрена».

Во исполнение принятого решения в России было приступлено в январе 1916 года к формированию особой пехотной бригады (впоследствии 1-ère Brigade russe spéciale). Штаб и 1-й полк намечено было формировать в Москве, а 2-й полк – в Самаре.

Части бригады формировались преимущественно из ближайших запасных батальонов, то есть из солдат, не получивших еще боевого крещения. Едва ли порядок этот можно было признать правильным. Следует также заметить, что, соответственно районам комплектования,

1-й полк был укомплектован в подавляющем числе из элемента фабрично-заводского (подмосковный район);

2-й же полк был составлен из людей, связанных по преимуществу с крестьянством. Разнородный солдатский состав полков несомненно отразился на общей физиономии той и другой части и на отношениях их к последующим событиям.

Начальником бригады был назначен генерал-майор Лохвицкий, выказавший свои прекрасные боевые качества на русском фронте и уже награжденный на русском фронте орденом Св. Георгия 4-й степени; командиром 1-го особого полка – полковник Нечволодов и командиром 2-го особого полка – полковник Дьяконов.

Полки формировались трехбатальонного состава, в каждом батальоне – по четыре стрелковых роты. Кроме того, в полку должно было состоять по три пулеметных роты (по 12 пулеметов в каждой), команда связи и нестроевая рота¹⁵. Запасный батальон формировался в составе 6 рот.

Личный состав 1-й бригады (вместе с запасным батальоном) по штатам был определен следующими цифрами: 1 генерал, 180 штаб- и обер-офицеров и 8762 солдата; из них – 84 офицера и 8577 солдат русских, к которым должны были быть добавлены 96 младших офицеров и 185 солдат из состава французской армии.

Бригада была прекрасно обмундирована: она снабжена была двойным комплектом обмундирования и сапог. На каждую роту имелось по одной походной кухне. Вооружение и все остальное имущество части бригады должны были получить во Франции.

Вследствие зимнего времени, препятствовавшего отправлению из Архангельска, бригада, с согласия японского правительства, должна была следовать по железной дороге через Иркутск и Куанчендзы до Дайрена; далее же морем – до Марселя. Таким образом части бригады должны были совершить путь от Москвы кругом Азии до Марселя, расстоянием более 30 тысяч верст. Посадка первого эшелона в Москве произошла 3 февраля. Прибытие в Дайрен того же эшелона рассчитано было на февраль же; оттуда отправка во Францию на трех французских пароходах.

Продолжительность морского переезда исчислялась, при скорости в 11 узлов, около 60 дней.

Расчеты эти оправдались достаточно точно, с запозданием лишь в несколько дней, понесшихся для улаживания местных затруднений, возникших с местными японскими вла-

¹⁵ Впоследствии каждой бригаде имелось в виду придать по одной траншейной батарее и по одному противотанковому орудию.

стями. 20 апреля 1916 года состоявший при русской Ставке французский генерал По мог уже представить Государю императору приказ генерала Жоффра о прибытии русской бригады во Францию.

Император Николай II выразил по этому случаю уверенность, что бригада покажет себя достойной, сражаясь бок о бок с частями французской армии, которая, в свою очередь, служит в России предметом особого восхищения.

Высадка частей русской бригады произвела не только в Марселе, но и во всей Франции выдающееся по силе впечатление. Внешний вид и выправка русских солдат восхищали французов. Чествование прибывших носило глубоко трогательный характер. Вся Франция воспряла духом, и газеты были полны восторженных отзывов о русской мощи и силе. Отголоском этих торжеств в России служила русская пресса, вторившая этому праздничному настроению.

Французский военный агент в Петрограде подробно сообщал в Париж об отзывчивости русских газет. И, таким образом, факт прибытия во Францию русских войск явился новым звеном, скрепившим дружеские отношения двух великих союзных государств.

Между тем, в течение протекших месяцев военное и политическое значение пребывания союзных войск в Салониках, как мы уже видели в главе 1-й, подверглось значительной переоценке. Осеннее сосредоточение соединенных сил Центральных держав против Сербии заставило союзников сделать попытку к облегчению положения сербской армии путем высадки англо-французских войск в Салониках. Хотя задача спасения Сербии не удалась, и сербская армия принуждена была отходить на Албанию, но отступать от принятого плана теперь было уже поздно; приходилось скорее думать о дальнейшем развитии военных действий со стороны Салоник. Горячим сторонником этой мысли явился, как читатель уже знает, новый председатель Совета министров во Франции А. Бриан, который и сумел привлечь на сторону своего мнения прочих союзников.

Генерал Жоффр, занимавший в первый период войны пост главнокомандующего только северо-восточными армиями, незадолго перед тем был назначен декретом президента Французской Республики главнокомандующим всеми французскими армиями. Став ответственным за положение Македонской армии, в которой руководящую роль всегда играли французы, он вынужден был посвятить ее нуждам больше внимания и забот.

Изменил, по-видимому, свое мнение и С. Д. Сазонов, который выразил свое огорчение по поводу невозможности оказать Сербии помощь русскими войсками, под влиянием уже изложенной выше военной обстановки.

Свое настроение он сумел также передать и императору Николаю II, для которого, впрочем, интересы Сербии оставались всегда близки.

Лишь один военный министр Англии лорд Китченер, пользовавшийся в то время неограниченным авторитетом в Лондоне, оставался непоколебимым противником продолжения и дальнейшего развития салоникской операции. По причинам оперативным он настойчиво высказывался за полное очищение Салоник, угрожая в противном случае даже своей отставкой.

В результате таких настроений на совещании 6 декабря в Шантильи только одни англичане высказались за эвакуацию салоникского района. Представители остальных союзных держав были единодушны во мнении о необходимости сохранения в Салониках союзных войск и дальнейшего их усиления.

«Благоволите обратить внимание англичан, – телеграфировал С. Д. Сазонов 9 декабря 1915 года Извольскому в Париж, – что, с удалением союзников, австро-германцы поспешат сами занять Салоники под предлогом защиты этого города от новой высадки англо-французов. Таким образом, будет осуществлена давнишняя мечта Австрии обладать названным портом».

По-видимому, мнение большинства союзников оказало в конце концов свое влияние и на англичан. По крайней мере, на новом совещании, происходившем во Франции 10 декабря,

точка зрения англичан уже значительно приблизилась к французской. Наш посол в Париже А. П. Извольский так формулировал постановления этого совещания: «Союзные войска отступают из Македонии к Салоникам и там принимают меры к устройству укрепленного района. Этот последний должен позволить им обосноваться вполне прочно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.